

Не дожидаясь, пока Артур разыщет Министра, Северус Снейп решил воспользоваться услугами почтовой совы и коснулся сумки у неё на груди. Поглощённый тёмными недрами транспортного средства, зельевар оказался наедине с самым своим жестоким мучителем: собственными мыслями.

При всём его внешнем спокойствии, в душе черноволосого мага царил настоящий хаос. Пусть вслух он в этом никогда не признается, но сейчас Северус действительно чувствовал себя не в своей тарелке. Впервые за многие годы он больше не был одинок. Более того, теперь он связан узами с кем-то. И эти «кто-то» связаны с ним. В горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии они останутся связаны друг с другом, пока смерть не разлучит их. Теперь они настолько близки, насколько вообще могут быть близкими друг другу разумные существа. И от осознания этого Северус пребывал в тихом ужасе.

Горький опыт подсказывал магу, что предстоящий путь чреват опасностями. Когда-то его сердце уже было занято той единственной, кто была для него дороже всего мира. И в час нужды Северус сам оттолкнул её. Что ещё хуже, вскоре он оказался в ужасной ситуации: практически на его глазах она погибла от рук того, кому Снейп поклялся в верности. Прошло десять лет, а боль была все такой же свежей, как и в ту первую ночь.

Северус знал, что, как ни старайся, но от прошлого не сбежать. Он знал, что навсегда останется порочным плодом, отпрыском сломленной женщины — его матери, и чудовища, отнявшего у неё всё, ради чего стоило жить, — его отца. Этот пустозвон носил звание его отца исключительно из-за стечения обстоятельств и по прихоти биологии. Снейп даже побрезговал бы называть это существо ублюдком — такое сравнение стало бы тяжким оскорблением для всех тех, кому волею судьбы выпало родиться вне брака.

Снейп с горечью вспоминал то время, когда, будучи испуганным птенцом, был вынужден искать убежища в гниющем изнутри гнезде. Учитывая всё, что Северусу довелось пережить в детстве в кругу семьи, то, что Лили протянула ему руку дружбы и вытянула из этого болота, было просто чудом. Она была его единственным настоящим другом. После поступления в Хогвартс Северус стал считать друзьями и товарищей со Слизерина, но лишь позже осознал, что их отношение было простой, формальной данью вежливости. Для них он всегда оставался полукровкой — достаточно уважаемым, чтобы быть соратником, но не более. Лили же, в отличие от них, вообще не обращала на подобное внимание. Лили принимала Северуса таким, какой он есть.

Всё его детство Лили была ему опорой, что не давала зыбучим пескам сложившейся в семье ситуации, почти физически душившей его, накрыть Северуса с головой. Лили дарила ему любовь, которую не могла дать ему мать, тепло и уют, на которые было неспособно числящееся его отцом чудовище. И за это Снейп будет ей вечно благодарен.

Лили была его единственной настоящей любовью. Его сверстники в ту пору наверняка сочли бы его чувства всего лишь пропитанным гормонами эросом. Сам Снейп, пусть и не стал бы отрицать, что вышеупомянутое там также присутствовало, знал, что на первом месте в его чувствах стояли филиа и сторге. Без Лили он попросту был неполноценен. Именно она сделала его цельным. И она же, уйдя, оставила в душе Северуса пустоту. Именно Лили давала ему надежду, что есть то, ради чего стоит жить.

Со временем стало до боли очевидно, что она не отвечает ему взаимностью. Северус до сих пор не мог понять, как она могла посвятить себя тому, кто приложил столько усилий, чтобы превратить его жизнь в кошмар. Он сделал всё возможное, чтобы разжечь в её душе огонь. Но всё было напрасно.

А потом настал тот роковой день. День, что оставил шрам у него на душе. Злосчастный день, что преследовал его в кошмарах. Раз за разом кошмар находил способ вцепиться когтями в его сознание.

Он назвал её тем самым словом.

Разгневанный и униженный, тогда ещё не мастер окклюменции, Северус выплеснул свой гнев на единственного друга.

Он назвал её тем самым словом.

Она ответила ему столь же яростно.

Он назвал её тем самым словом.

За всю его полную сожалений жизнь больше всего он сожалел о двух вещах. И худшая из них — что он рассказал Хозяину, что знал о пророчестве. Эта ошибка лишила его всякого шанса на искупление. Эта ошибка стоила ему шанса на прощение. Черноволосый маг всё бы отдал, лишь бы Лили была жива и счастлива, даже если бы это навсегда стоило ему её дружбы... даже если бы это стоило ему жизни.

Он назвал её тем самым словом.

Чувство вины и ненависть к себе годами копились глубоко в душе подобно гнойному абсцессу. Не нужно было быть гением, чтобы предвидеть дальнейший ход событий, и уж кем-кем, а дураком Снейп не был. Спустя десять долгих, полных боли лет явился он — совместный плод Лили и узурпатора. Олицетворение, вобравшее в себя его любовь и его ненависть, олицетворение, которое будет напоминать Снейпу о свершённой им величайшей ошибке каждый рабочий день в течение следующих семи лет. Результат нечестивой связи, что будет только подчёркивать, насколько убогой и несчастной стала его жизнь.

Пожалуй, единственное, что уберегло невинного ребёнка от его гнева, — казавшаяся столь маловероятной дружба мальчишки с тремя девочками, которых Снейпу запретили как-либо злить. А ведь в тот момент он уже заглянул в бездну, куда вела его месть, и только три вечно улыбающихся детские мордашки, смотрящие на него в ответ, уберегли его от шага за грань.

Но до сих пор было больно.

К сожалению, у отродья его многолетнего врага оказалось и его лицо. Словно преследуя его, вернулась и улыбка, которую он так возненавидел в детские годы.

И до сих пор было больно.

Потому что достались глаза его единственной любви. Пронзительные зелёные глаза, что, казалось, до сих пор буравили его душу.

Как может быть так больно смотреть на обычного ребёнка? Почему Северус чувствовал себя так, словно эта боль разрушала саму его сущность? Почему казалось, что тьма, окутавшая его жизнь, не остановится, пока не поглотит всё, что ему дорого?

Внезапно тьме его существования разорвала яркая точка. Вырвавшись из совиной сумки, точка приняла облик женщины. Она говорила исключительно в рифму. У неё не было никаких предубеждений относительно Снейпа. Женщина смотрела сквозь маску, за которой, словно за щитом, прятался маг.

Она лишила его дара речи. Подобно пластырю, закрыла кровоточащую рану у него на душе. Одним своим присутствием она могла полностью перевернуть всю его жизнь, как вознеся на вершины экстаза, так и низринув в пучины отчаяния.

И она вселила в его сердце ужас.

Словно этого было мало, тьму пронзила вторая яркая точка. Вырвавшись из совиной сумки, точка также приняла облик женщины. В ней не было напыщенности и притворства. Она владела огромными участками земли и всей душой к ней тяготела, крепко стоя на ногах. Она буквально воплощала одно из достоинств своего мира, противоположность того, кем стал он. Она являлась рыцарем-элементом, Честностью.

И она вселила в его сердце ужас.

Да что вообще она в нём разглядела? Северус выжил благодаря лжи. Лгал другим, чтобы держать их на расстоянии. Лгал себе, чтобы сохранить рассудок.

Всё это казалось какой-то бессмыслицей, сном, бредом. Разве может хоть одна женщина в здравом уме им заинтересоваться, а тем более две сразу? Почему он вообще согласился на это свидание? Почему так долго ждал, чтобы согласиться?

Почему ему в руки попало нечто столь особенное? Нечто, что нельзя назвать или описать лишь физическими терминами. Нечто, что он не мог, нет — не имел права потерять. Нечто, что он будет защищать ценой своей магии, жизни или даже души.

Те зелёные глаза были навсегда потеряны для него, и он больше не может этого отрицать.

Эти зелёные и голубые глаза ждали его в конце пути, открывшегося для него.

Будет ли наглостью для него питать хоть тень надежды на то, что обладательницы этих глаз смогут принять тот клубок несовершенства, с которым они оказались связаны?

Пламя угасло. Он снова свободен! Но стало ли лучше? Всё вокруг выглядело, пахло и ощущалось так, будто недавно тут был большой огонь. Конечно же, пламенные птицы к этому не имели отношения. Вокруг носилось много жеребят, и они зачем-то носили в зубах куски мёртвого дерева. Так это её табун?

— Ты как раз вовремя, Свити, — пролопотала оранжевая жеребёнка с фиолетовыми гривой и хвостом. У неё нет рога? Она калека? — Биг Мак не обрадовался, когда ты вот так пропала, ничего никому не сказав.

— Я же не виновата, что Филомина решила вместе с Махой прихватить и меня, — ответила белая жеребёнка, сопровождавшая его. — Зато мы нашли потерявшегося жеребца-единорога с Земли.

— Да просто отправь его куда-нибудь в Запретный лес и не парься, — пролопотал ещё какой-то жеребёнок из табуна.

— Что-то я сомневаюсь, что он оттуда, — снова заговорила как двуногие белая.

— Не забывай, Свити, в школе можно держать только одного питомца.

Он обернулся на приближающийся голос. Этот жеребёнок не был чисто белым, а его грива была цветом словно сухой песок. Что? Жеребчик? От другого жеребца?! От него нужно избавиться!

Яростно фыркнув, он взвился на дыбы и обрушился копытами туда, где всего удар сердца назад стоял белый жеребчик. Быстро обернувшись, он обнаружил галопом улепётывающего вредителя. Ну нет, второй раз он не промахнётся.

Едва он напрягся, намереваясь рвануть за жеребчиком, как краем глаза заметил приближающийся размытый красный силуэт. И прежде чем он успел хоть как-то отреагировать, почувствовал сильный удар в бок, который оторвал его от земли и заставил

закувыркаться по жухлой траве.

— Н-Н-НЕА!

А вот и отец жеребчика явился.

Он быстро вскочил на копыта. Мускулистый соперник стоял в нескольких скачках впереди, напрягая мышцы. Он не собирался с ним драться, но должен был показать этому красному выскочке, что не боится его. Однако только он уставился в глаза красному сопернику, к нему, дико вопя, подскочила сиреневая жеребёнка. Ему показалось, что она споткнулась, когда подбежала к нему вплотную, но, получив по морде удар парой копыт — жеребёнка лягнула его со всей дури так, что у него голова мотнулась назад — понял, что это была отнюдь не случайность. Второй удар попал ему в грудь, оттолкнув на несколько шагов.

Нет, всё, хватит! Это какие-то неправильные жеребята! Увидев знакомое белое покрывало замёрзшей воды позади мёртвых деревьев и укрытые твёрдой водой, словно белым мхом, кроны лесных великанов за прогалиной, он заржал и галопом рванул в спасительную чащу леса, преследуемый разъярённой сиреневой жеребёнкой. Учитывая, что он был выше, а его шаг — шире, он быстро оторвался от своей злобной преследовательницы. Да и глубокая твёрдая вода, что так мешала бежать жеребёнке, почти не задерживала его самого.

Только домчавшись до окраины леса, он рискнул обернуться. Кобыла, которая пришла за ним в его узилище, раздражённо гарцевала на месте, грозно наклонив рог (может это был её жеребчик и она теперь зла на него за то, что он попытался от него избавиться?), а крупный красный жеребец держал сиреневую жеребёнку над землёй за её коричневый хвост. Жеребёнка бешено размахивала ногами и кричала как злой двуногий.

Что ж, пора уходить. Фыркнув, он поспешил глубже в лес.

День у Кьюкумбер Крисп[1] не задался с самого утра. Для начала, ей пришлось вытерпеть двенадцатичасовую поездку на поезде, причём этот состав отправлялся ещё до того, как Селестия изволит поднять солнце. Всё бы ничего — никто не мешает, зайдя в поезд, доспать эти несколько утренних часов... обычно не мешает. Но только не сегодня — буквально на следующей же станции в вагон, словно сельди в бочку, набились пони, которые, похоже, вообще не слышали о таких понятиях, как гигиена или личное пространство. Что ещё хуже, вагон-ресторан проводил рекламную акцию нового сидра неких братьев Флима и Флэма «Выпей, сколько влезет», и как выяснилось позже, из-за особенностей продукта все туалеты оказались намертво забиты пони, а ещё больше переминались с копыта на копыто в проходах,

к ним ведущих. И несмотря на ни с чем не сравнимое облегчение, которое Кьюкумбер Крисп испытала в доме родителей, прежде чем сбросить свои седельные сумки (она могла бы испытать его и раньше, но кусты возле станции были уж слишком редкими), к дому своей младшей сестрёнки, Мэллоу Йолк, она подходила, всё ещё пребывая в прескверном настроении, и отсутствие хозяйки дома отнюдь оное не улучшило, хотя и не особо удивило Крисп — очевидно, её следующая цель — рынок, на котором, как она не сомневалась, и задержалась главная поставщица яиц в этом городке.

Однако то, что Крисп увидела на рынке, шокировало её едва ли не до ступора. Разворачивающаяся у неё на глазах сцена была донельзя непристойной, и что самое худшее — её сестра, её маленькая сестрёнка находилась в эпицентре событий! Кажется, день только что сумел стать ещё хуже.

Судя по всему, Меллоу Йолк и, кажется, все без исключения кобылы на рынке загнали в угол пару молодых жеребцов. Из толпы со всех сторон доносились предложения, которые попросту неприемлемы в культурном обществе, кроме как между супругами, и то за закрытыми дверями спальни. Именно такое поведение должны пресекать на корню законы, принятые Селестией много лет назад. В конце концов те двое — пони, а не какой-нибудь товар, из-за которого следует устраивать аукцион, где каждое следующее предложение, неприличнее предыдущего, а конечной ценой станет драка! Это следует немедленно прекратить, либо она лично позовёт стражу и проследит за тем, чтобы этих нахалок посадили за решётку и держали там, пока не остынут. И пусть жеребцы, похоже, ещё не начали паниковать, им такое отношение явно было не по душе.

— Эй! — взревела Кьюкумбер Крисп голосом, полным ярости (и, как может показаться, не слишком отличающегося по мощности от Кантерлотского Гласа принцесс). — Вы что творите, кобылюхи?!

Испугавшись внезапного выкрика, всепони замолчали и повернулись к Крисп.

— А вот и наш шанс, — сказал жёлтый жеребчик. — Выход справа по курсу!

Крисп скептически проводила глазами жеребца, который поспешил к группе из нескольких жеребчиков, откровенно веселившихся над злоключениями пары несчастных жеребцов.

— Так, хватит нам тут прохлаждаться и давай бегом на ферму! — выпалил молодой зелёный жеребец, поспешивший последовать за своим жёлтым товарищем по несчастью.

— Давай наперегонки! — крикнул жёлтый, срываясь с места в галоп.

— Стоять! — гаркнула Кьюкумбер, видя, что группка кобылок явно посчитала его слова приглашением присоединиться.

— Но!.. — раздался одинокий протест откуда-то из середины группы.

— Стоять, я сказала! — с нажимом повторила Крисп. — Что за отвратительное поведение, кобылочки? Это так вы за жеребцом ухаживаете?

— Но они человеки! — подала голос другая кобылка.

— Это не оправдание! — рявкнула Кьюкумбер Крисп. — Вы что, безмозглые суккубки? Это так вас матери учили обращаться с жеребцами? Они такие же пони, как вы, а не какие-то там мифические существа!

— Ты всё не так поняла! — заявила Черри Блаш[2].

— Точно! — подхватила Таро Рут. — Они правда настоящие человеки! Просто сейчас в понячьем облике.

— Да мне начхать, кто они там! — окончательно взъярилась Кьюкумбер. — А вам всем должно быть стыдно за такое грубое к ним отношение. В прошлом вас за такое кинули бы на ночь в тюрьму, чтобы подумали над своим поведением. Вы разве сами не видели, сколь жалкими и испуганными выглядели эти двое из-за вас?

— Мне они испуганными не показались, — проворчала Таро Рут.

— Минуэт! — раздался сбоку голос Чирли, как раз показавшейся на улице. — Как я рада, что нашла тебя! Мне очень нужна твоя помощь.

— Да, конечно, — отозвалась Минуэт, обрадовавшись внезапной смене темы, — с чем тебе помочь?

Школьная учительница поспешила подскать к голубой кобыле и спешно сунула ей сумочку, из которой торчали горлышки пяти небольших склянок, закупоренных пробками.

— Вот, пожалуйста, припрядь их у себя на неделю и ни в коем случае не отдавай мне, как бы сильно я ни упрашивала, хорошо?

— Э-э-эм, а что это? — любопытствовала местная дантист, придирчиво разглядывая ношу.

— Бодроперцовые зелья, — пояснила Чирли. — Извини, нет времени объяснять. Берри уже заездили до обморока, и я не знаю, как долго Кэррот сможет выдерживать напор Барнаби в одиночку. Мне надо быстрее вернуться.

— Что? В обмороке? — переспросила Минуэт. — В смысле — заездили?

— Да-да, в том самом смысле, — бросила учительница через плечо и поспешила обратно. — Мне уже кажется, что трёх кобыл одному людскому жеребцу явно мало. Боюсь, после сегодня я целую неделю буду ходить враскорячку.

Кьюкумбер ошарашенно хлопнула глазами и обратилась к младшей сестрёнке, оборачиваясь к ней:

— Говоришь, то были людские... жеребцы.

Последнее слово Крисп договаривала, уже обнаружив, что только зря потратила дыхание: её сестра, как и едва ли не все кобылы в толпе, уже мчалась галопом за парой спешно отступивших жеребцов.

— Меня подождите! — крикнула вслед остальному табуну Минуэт, рванув за ними, левитируя рядом с собой сумку с бутылками. Правда, проскакав с десятков шагов, она резко затормозила и поспешила в обратном направлении. — Вот, поддержи их у себя пока, — скомандовала она Крисп, пролевитирав бутылки ей, после чего галопом ринулась нагонять Чирли.

Громко хлопнувшая входная дверь фермерского дома сумела сделать то, чего уже на протяжении получаса не удавалось выполнить Пинки Пай: развеять повисшее в воздухе удушающее напряжение и отчаяние, и всепони, пусть и постаравшись сделать это не столь явно, вздохнули с облегчением.

— С возвращением, мальчики, — проворковала Молли и подошла обнять пару жеребцов, и ставших причиной этого переполоха. — Дрожжи купили?

— Они у Перси, — ответил Билл. — Они с близнецами должны вот-вот вернуться.

— Им-то уносить копыта не надо было, — добавил Чарли, запирая дверь на засов.

— Местные кобылы доставляют вам неприятности? — спросила Твайлайт. — А то в последнее время у некоторых возникла настоящая мания на «людских жеребцов» из-за разлетающихся со скоростью лесного пожара слухов о том, насколько Барнаби Ли любезный и... хм... активный.

— Может, отправить пару-тройку дюжин кобылок со мной ко мне в Египет? — предложил Билл.
— У меня там семь девственников пашет, и кое-кто из них жаловался, что уже отчаялся найти

себе даму. Как один из них выразился: «хоть какую бабу, да хоть кобылу найти в этой пустыне!».

— Тогда тебе стоит достать их колдофото, — заметил Сириус. — Ты натолкнул меня на пару неплохих идей...

— Не вздумай! — рыкнула Молли. — Нечего ещё и моего сына втягивать в свои сомнительные авантюры.

— А по-моему, идея просто замечательная, — возразил бывший Блэк.

— Ты куда никаких кобыл совой отправлять не будешь, — строго, с нажимом сказала миссис Уизли.

— Кайфоломщица... — буркнул Сириус.

Раздавшиеся в помещении негромкие хлопки крыльев ознаменовали прибытие Букли из другого измерения.

— О, как раз вовремя, — сказала Твайлайт. — Ты, наверное, принесла остальных гостей? Сириус, — обернулась она к мужу, — будь добр, наколдуй чары незримого расширения, прежде чем я их выпущу, ладно? А то у меня до сих пор небольшие проблемы с расчётами якорей и модулями-предохранителями.

— Да не проблема. *Saracious extremis!* — взмахнул палочкой Блэк-Спаркл, и стены, пол и потолок словно вытянулись, как минимум впятеро увеличивая объём комнаты.

Кивнув, Твайлайт коснулась рогом сумочки на груди совы.

— *Ex dimittere.*

От громкости отрыжки, с которой сумка рассталась со своим содержимым, аж задрожали стёкла в окнах фермерского дома. Ещё долго соседи и пара не к месту случившихся прохожих судачили, что в этот день у бабули Смит что-то не так пошло с кухарством. Может, это было как-то связано с теми дрожжами, что столь безуспешно пытались принести жеребчики?

Ева и Роза тут же вспорхнули к потолку в своих пегасьих обликах, тогда как их родители и бабушки-дедушки, а также родители Симуса и Эльза рухнули на пол бесформенной грудой.

— С Днём Горящего очага, всепони! — объявила Твайлайт, пока новоприбывшие поднимались на ноги. — Как здорово, что все вы здесь сегодня собрались.

— С Рождеством, — отозвалась Эльза после того как остальные также их поприветствовали. Затем с удивлением взглянула в угол комнаты. — А что с Эпплджек случилось? А то вон те тучи у неё над головой, того и гляди, молниями разродятся.

— Не 'бращайте вниманья, — проскрипела бабуля Смит. — Она прост' в шоке, шо, ташемта, не значит, шо надуть запамятовать про манеры.

— 'Звиняй, бабуль, — сказала Эпплджек, выходя вперёд. — И простить, всепони, шо не дуже гостьприимна.

Заслышав стук в дверь, Твайлайт, даже не задумываясь, отпёрла оную телекинезом, и внутрь тут же вбежали Меткоискатели, больше похожие на артистов из погорелого театра, причём буквально — с холки до копыт они, словно черти, были перемазаны сажей.

— А вы видели, нет? — подала голос из-за спин подруг Скуталу. — Там в город целый табун мокрых кобыл чапает. И почему-то вид у них донельзя разочарованный.

— Иногда попытка разбить лёд непонимания в отношениях, словно ушат холодной воды на голову, оканчивается провалом. И временами отнюдь не фигурально, — пожал плечами Чарли и, видя непонимающие взгляды, пояснил: — Они всей толпой провалились под лёд в какой-то луже там, за забором.

— Кстати, близнецы с Перси были прямо за нами, — выглянул из-за Скуталу ещё недавно розовый («Это фуксия!!!»), а ныне почти чёрный жеребёнок. — Они вот-вот придут.

— А ну, стоять, жеребятня, — строго проскрипела пожилая земнопони. Меткоискатели замерли. — В амбаре корыто, идить помойтесь, покамест ишо больш' грязюки не натаскали в дом.

— Не бойтесь, я сам с этим справлюсь, — сказал Сириус, быстро крутанув палочкой.

В следующую секунду он стал забрасывать жеребят очищающими чарами, делая попеременно палочкой и свободной рукой очень нехарактерные для этого заклинания движения, словно киношный ковбой, палящий из двух револьверов разом. Едва он успел избавиться от последних следов грязи, как на пороге появилась следующая группа.

На их глазах Молли с неожиданной ловкостью перепрыгнула через Гарри и опустилась на колени перед первым из вошедших единорогов.

— Вам уже пора вернуться в дом, — сказала она, обнимая новоприбывшего. — Я так по вам соскучилась! Из-за того, что вы все в Хогвартсе, в доме так тихо и грустно...

— Ну-у-у, ма-а-ам! — возмущённо протянул обнимаемый Джордж.

Вместо ответа Молли, словно сжалившись, отпустила единорога — чтобы тут же заграбастать его брата-близнеца.

— Итак, Перси, — десяток секунд спустя сказала она, отпустив Фреда и повернувшись к его старшему брату, — и когда же ты планировал познакомить меня вот с этими тремя юными леди?

— Папа проболтался, да? — предположил тот.

— Нет, бабуля Смит оговорилась, — поправила миссис Уизли и вздохнула. — Ты ещё слишком молод для такого... но сделанного уже не воротишь. Я уже успела немного свыкнуться с этой мыслью, так что мы обстоятельно об этом с тобой пообщаемся... потом.

Правда, не успел Перси начать представлять спутниц, как в помещение ворвалась ещё одна сова.

— А это кто? — удивилась Твайлайт, протягивая копыто к совиной сумке. — Рерити, Бон-Бон и Лира должны только через полчаса прибыть. *Ex dimittere*, — сказала лавандовая пони, касаясь сумки рогом.

Словно пародируя сцену, обязательно хоть раз случавшуюся во время (или после) любой студенческой попойки, сумка громогласно отрыгнула, извергая содержимое своих недр.

— Это уже начинает раздражать, — проворчал явившийся из сумки мужчина, поднимаясь с пола. — Нам нужно найти другой, более приличный способ путешествовать.

— Северус Снейп! — Эпплджек дёрнулась было к новоприбывшему, но тут же отшатнулась, словно от пощёчины, и угрюмо села на круп, стыдливо опустив голову и зажмурившись.

— Эпплджек, — выдохнул Северус и поспешил подойти к рыжей пони. — Прости, я виноват. У меня и в мыслях не было заставлять тебя переживать.

— Я... я не знаю... — голос Эпплджек был едва ли громче шёпота. — Небось, теперь ты считаешь меня плохой пони и шо со мной...

— Я ничуть не считаю тебя плохой пони, — перебил её Снейп. — Насколько я понимаю, всё случилось слишком быстро и застало тебя врасплох — как, собственно, и меня.

Эпплджек кивнула, не проронив ни слова и всё так же не открывая глаз.

— А значит, в случившемся некого винить, — добавил зельевар.

Его собеседница подняла на него блестящие от слёз глаза.

— Ты не серчаешь? — В голосе рыжей блондинистой земнопони послышалось удивление пополам с надеждой.

— Даже если бы и, кхм, «серчал», я уже выучил свой урок и не стану направлять злость на дорогих мне людей... или пони.

— Даже если какая-то часть меня рада тому, что это случилось? — слабо улыбнулась Эпплджек.

Северус потянулся к ней, намереваясь обнять, но неуверенно замер на середине движения. Однако, словно набравшись решимости, он всё же заключил рыжую пони в объятия.

— Я вне себя от радости и горжусь тем, что ты стала моей женой, — сказал маг. — Я лишь надеюсь, что смогу быть для тебя достойным мужем.

Ошарашенная Эпплджек несколько секунд просидела неподвижно, но потом всё же обняла его в ответ.

— А чё тут происходит? — шёпотом спросила Скуталу у старшей кобылы в комнате.

— У Эппл Блум появился зять.

— ЧТО?! — пискнули Меткоискатели.

Секундой позже все как один повернулись и в шоке уставились на здорового красного жеребца. Каким-то образом его громкий крик составил своеобразную гармонию с голосами жеребят... оказавшись ровно на октаву выше их.

Сочельник был особенным временем для этой крошечной однокомнатной квартиры. Время для друзей. Семьи. Праздничного настроения. Всего того, чего не хватало в этой унылой комнате.

С кончика сигареты, которую женщина держала в левой руке, лениво вилась тонкая струйка дыма, пока в мыслях она боролась со злом, разрушившими её жизнь. В правой руке она

держала стаканчик из вощёной бумаги, в котором виднелась мутная жидкость — капля чудовища, разрушившего её жизнь. Когда-то она думала, что благодаря этому стала непобедимой. Думала, что с даруемой этим силой может сделать всё что угодно и сказать всё что угодно. Но она ошибалась. Она причинила столько боли и ранила столько людей, что даже семья не хотела иметь с ней ничего общего — они переехали в другой штат, лишь бы оказаться подальше от неё.

Прошло четыре года с тех пор, как она вырвалась из хватки этого. Соблазн принудительной эйфории стоил ей всего — друзей, семьи, достоинства. Вырваться на свободу оказалось нелегко. Даже сейчас она позволяла себе пропустить стаканчик лишь в самые плохие дни, чтобы хоть немного расслабиться — но только один и ни капель больше. Она больше ни за что не станет снова рабыней этого.

Женщина задумчиво сверлила взглядом стаканчик в своей правой руке. Среди всех плохих дней этот смело можно было назвать одним из худших. А значит, сейчас лучшее время, чтобы забыться и облегчить боль. Стаканчик был уже на полпути к губам, когда она остановила руку. Зарывав, она швырнула стаканчик в сторону раковины, так и не отведав его содержимого, а затем, неловко взмахнув рукой, попала по открытой бутылке борimotoху, опрокинув её, заставляя содержимое стекать со стола на пол, оставляя неприятный след.

Взглянув на тлеющий окурок в левой руке, женщина решительно ткнула им в лужу на столе. Увы, жидкость, мерзко зашипев, только погасила окурок, даже не подумав вспыхнуть призрачным пламенем. Вздохнув, она раздавила окурок в пепельнице и опустила голову на стол, скрестив руки. Настало время для другой праздничной традиции — плача брошенных и забытых.

Женщина практически не обратила внимания на негромкий щелчок пальцев. Из задумчивости её вывел вздох и почти забытый голос. Неужели прошло целых десять лет с тех пор, как она слышала его в последний раз?

— Саманта? Это ты? Боже мой, Саманта!

Женщина подняла голову, внезапно обнаружив, что сидит не за обшарпанным столом своей задрипанной квартиры, а в скромной, но со вкусом обставленной комнате небольшого уютного дома, а напротив стояла та, кого она уже и не надеялась увидеть.

— Аманда?

— Сэми!

Её руки, как и её сердце, вдруг оказались заполнены. Слезы, уже и без того готовые сорваться, потекли ручьями — только теперь в них не было горечи и боли.

В паре шагов от них, невидимые и неосязаемые, трое разумных наблюдали за воссоединением

сестёр.

— И вуаля! — победно вскинул руки Дискорд. — Хаотичное проявление доброты номер двенадцать.

После его слов Алиса просияла, тогда как Флаттершай, ожидаемо, бросилась в его открытые объятия.

— Это лучший подарок в жизни на День Горящего очага, — всхлипнула она со слезами на глазах и взглянула на мужчину. — Спасибо, Дискорд.

— Для тебя — только самое лучшее, дорогая моя, — ответил он. — А теперь, насколько я помню, твои друзья устраивают вечеринку? Не пора ли и нам присоединиться к ним?

Ещё один щелчок пальцев — и все трое пропали.

Главный балльный зал замка Кантерлот буквально гудел от предвкушения. Одна очень ненастоящая пони была объявлена очень даже настоящей принцессой, и сегодня должен состояться её дебютный выход в «высший свет» кантерлотских дворян. Вежливо приветствуя одного пони за другим, Клаудед Хоуп не могла нарадоваться тому, во что превратилась её жизнь. Изначально казавшаяся рутинной миссия по внедрению обернулась чем-то невообразимым. Казалось, её мечты стали явью. Более ей не нужно притворяться какой-то там выдуманной принцессой Эквестрии — отныне и навеки она была принцессой Клаудед Хоуп, приёмной дочерью принцессы (и временно исполняющей обязанности королевы улья) Ми Аморе Кадензы и принца Шайнинг Армора. И после долгой беседы, полной взаимных уступок и реверансов, состоявшейся на высочайшем уровне между её названными тётушками, матерью (и реальной матерью, пребывающей в отпуске, тоже) и людьми, было принято решение, что именно ей выпадет честь провести вечеринку в честь Дня Горящего очага.

Когда правда о том, кто она такая, всплыла наружу, Клаудед думала, что она потеряла всё, что заполучила... нет — украла благодаря своей лжи. Громкий титул, обрушившийся словно снег на голову, мать-пони, отца-пони и всю её новую семью... Ей казалось справедливым, что у неё всё это отберут, более того, Хоуп, боясь наказания за свой обман, пыталась сама убежать от них — в конце концов, она и не была ничем с ними связана. Точнее, так было до тех пор, пока они не приняли её — и Клаудед Хоуп могла это точно сказать — всем своим сердцем. Старшие принцессы благословили её удочерение. Клаудед, и без того знавшая, что никогда не станет королевой улья — биология безжалостная штука — отныне и навеки она останется принцессой.

Хоуп принадлежала к расе, где понятие «отцовство» как таковое не имело смысла. И теперь среди себе подобных она единственная могла честно похвастаться, что у неё есть собственный отец. Он гордо стоял рядом с ней, помогая ей приветствовать гостей. Для Хоуп купаться в его любви было настоящим блаженством.

Пони выстраивались в очередь, чтобы встретиться с ней, чтобы выразить ей свою любовь.

Праздничный вечер проходил просто замечательно, однако старые привычки, присущие её прошлой, полной опасностей жизни, никуда не пропали, не давая Хоуп окончательно расслабиться и заставляя напряжённо поглядывать по сторонам. Именно эти привычки из прошлого и помогли ей дожить до этого дня.

Окружающие видели лишь обычную, ничем не примечательную жёлтую единорожку. Клаудед же видела само воплощение смерти. Кобыла протолкалась сквозь выстроившихся в очередь пони, её рог сиял от вложенной в него смертоносной магии. Клаудед Хоуп распознала угрозу и попыталась отскочить в сторону прежде, чем пони-будь из охраняющих её стражей сумел среагировать. К сожалению, пышный подол её роскошного платья сыграл с ней злую шутку — она чуть не села на круп, но никуда не двинулась

— Ты что забыла на моей территории?! — рявкнула жёлтая «единорожка» и выпустила более не сдерживаемую мощь в виде сияющей сферы.

Для Хоуп всё было бы кончено, если бы не действия одного из стражей, выдернувшего молодую принцессу вспышкой аквамариновой магии, отчего заклинание «единорожки» лишь оставило неприятный след опалённой шерсти на её теле, врезавшись в стену и проломив в ней дыру.

Внезапно мир Клаудед Хоуп окрасился в оттенки малинового. Магия её отца сотворила вокруг них щит, непоколебимый и несокрушимый.

— Я не приемлю подобного! — заорала жёлтая кобыла, зажигая рог для нового удара.

Стражники, более не медля и опасаясь применять оружие в такой толпе, просто кинулись на нападавшую, буквально погребая под кучей мускулов и брони. В зале на мгновение повисла зловещая тишина, но внезапная вспышка разбросала стражей во все стороны. Рог противницы снова засиял, сплетая мощные чары.

— Тебе... здесь... НЕ... МЕСТО!!!

Ненависть королевы вырвалась из рога смертоносным лучом.

Отцовская любовь устремилась из рога Шайнинга, дабы защитить то, что ему дорого.

Два луча, полные противоположных чувств, но близкие по силе столкнулись посередине — и окружающий мир потонул в белой вспышке.

[1] Cucumber Crisp — с англ. букв. «огуречный хруст» либо «хрустящий огурчик». Ну или «огурчик, зажаренный до хрустящей корочки».

[2] Cherry Blush — с англ. букв. «смущённая вишня» либо «вишнёвый румянец». Хотя на сленге «cherry» ещё называют девственниц.

<http://tl.rulate.ru/book/28591/4456277>